

Российские публицисты довольно часто высказывали опасения относительно возможных претензий объединённой Германии на территории Австро-Венгрии (до 1806 г. входившие в состав Священной Римской империи германской нации) и губернии Остзейского края. Даже демократы считали действия Бисмарка враждебными империи Романовых. В их кругу никто не скрывал радости по поводу его отставки. Однако после его смерти Г. Иоллос одним из первых заявил, что напрасно в Европе опасались Германии при канцлерстве Бисмарка, поскольку главную свою задачу он, как последователь *Realpolitik*, видел в сохранении единства государства, которому могли пойти во вред новые войны. По мнению Иоллоса, «железный канцлер» доказал, что «видит дальше своих сотрудников и противников»²⁸.

В первые годы своего правления Вильгельм II нередко изображался в русской печати «идеальным» правителем, выгодно отличающимся от властного и деспотичного Бисмарка²⁹. Однако уже на рубеже XIX–XX вв. всё чаще сожалели об отсутствии «железного канцлера» рядом с импульсивным и непредсказуемым императором. По мере ухудшения российско-германских отношений к 1914 г. восприятие личности Бисмарка претерпело в российской периодике заметную трансформацию: из непримиримого врага он превратился в здравомыслящего сторонника сохранения мира между соседними империями и родственными династиями.

²⁸ Иоллос Г. Бисмарк. Письма из Германии // Вестник Европы. 1898. № 9. С. 334.

²⁹ См.: Иванов А.А., Репников А.В. «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина. 2014. № 8. С. 15–18.

«Враг внутренний» – «враг внешний». Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике

Татьяна Филиппова

«The enemy within» and «the enemy outside»: images of the 1917 revolution in Russia's satirical journalism

Tatiana Filippova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В русских сатирических журналах периода революции 1917 г., в первую очередь в наиболее профессиональных, ярких, стабильно выходивших и популярных у читающей публики изданиях («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.), патриотические отклики на борьбу с «врагом внутренним» сочетались с критическим осмыслением проблем России, проявившихся в условиях жесточайшего кризиса. Примечательно, что все эти издания придерживались либеральной направленности. Разумеется, это был не «высокий» либерализм партийно-политической борьбы, а, скорее, повседневное свободомыслие значительной части интелли-

генции, образованных горожан. Позиция журналов отражала как остроту политической озабоченности, столь свойственной русскому складу ума и души (особенно в эпохи кризисов), так и перепады настроений, вполне объяснимые в обстановке военного и революционного времени. Карикатуры и фельетоны, стихи и анекдоты несли отпечаток противоречивого, драматического слияния иронии и страха, сострадания и ненависти, сарказма и сочувствия, отражая широкую гамму эмоций и переживаний, нуждающихся в комплексном, фронтальном изучении¹.

По мере нарастания политического кризиса в 1916 г. в журнальных номерах всё чаще появлялись белые страницы или «белые пятна» – свидетельства бдительности цензоров. Зато в период между февралём и октябрём 1917 г. имел место настоящий взрыв свободы журналистского самовыражения. Согласно принятому 27 апреля Закону о печати, издания любых политических направлений могли публиковаться беспрепятственно. Сразу же появилось множество ярких сатирических журналов, одним из главных «героев» которых стал враг революции. Его образ стремительно менялся в зависимости от очередного этапа борьбы внутри страны и на полях сражений. Новые кумиры возвышались и падали, новые страхи подпитывали старые фобии, ожесточали души, будоражили умы – пока в начале 1918 г. жёсткий курс большевиков не привёл к исчезновению русской либеральной сатирической журналистики.

Для изданий 1917 г. было характерно неприятие двух «внутренних крайностей», ответственных, по мнению журналистов, за бедствия, сопоставимые по масштабу с мировой войной. Одну из них представляли русские революционеры (прежде всего анархисты, большевики), другую – царизм в лице Николая II, «прогермански настроенной императрицы» и их окружения. Одиозные представители прежней власти служили тогда одной из главных мишеней юмористов.

Одновременно трансформировались и представления о «германце», образ которого приобрёл черты метафизического Зла, утратившего национальные, политические и прочие свойства. Его изображали как воплощение злого рока, торжествующего при помощи внутренних врагов России и попустительстве самого русского общества, «заболтавшего» проблемы страны, заболевшей экстремизмом.

В одном из апрельских номеров «Нового Сатирикона», традиционно задававшего тон и стилистику критической риторики, появилась карикатура, на которой «благочестивейшая, самодержавнейшая» императрица Александра

¹ Подробнее см.: *Стернин Г.Ю.* Очерки русской сатирической графики. М., 1964; *Евстигнеева Л.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконовцы. М., 1968; *Финягина Н.П.* Сатирическая графика как исторический источник // Труды НИИ культуры. Т. 11. М., 1974; Русская сатира и юмор второй половины XIX – начала XX в. М., 1988; *Jahn H.* Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca; L., 1995; *Norris S.A.* War Time Images. Russian Popular Prints. Wartime Culture and National Identity. Northern Illinois University Press, 2006; *Колоницкий Б.И.* Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; *он же.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; *он же.* Слухи об императрице Александре Фёдоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М., 2005; *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Смех – дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010; *Голиков А.Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 4; *Рыбачёнок И.С.* Политическая карикатура на рубеже XIX–XX веков. Коллекция французского журналиста Дж. Гран-Картере // Новая и новейшая история. 2011. № 2.

Фёдоровна с сочувственным выражением лица обращалась к немцу-военнопленному: «А ты где, голубчик, был взят в плен?» Тот отвечал: «Под Двинском. В атаке». Государыня уточняла: «И кто же победил: наши или русские?»². Этот рисунок очень точно передавал содержание многочисленных сплетен и анекдотов о германофильстве супруги Николая II³, уже давно наводнявших империю и теперь открыто выплеснувшихся на страницы печати. Образ императрицы, упорно и нарочито именуемой в большинстве сатирических изданий «Алисой Гессенской», превратился для журналистов в воплощение измены. Любимая внучка королевы Виктории, получившая английское воспитание, православная царица и любящая мать высмеивалась едва ли не больше свергнутого царя. Ненависть не могли смягчить ни её масштабная благотворительная деятельность, ни патриотические заявления («Я предпочитаю умереть в России, чем быть спасённой немцами»⁴). Пресса охотно транслировала миф о «немке-шпионке». И хотя, как отмечает Б.И. Колоницкий, «слухи об “измене императрицы”, измене супружеской и политической, никогда не были доказаны, но в ситуации общественного кризиса домыслы становились важнейшими фактами политической жизни... Не менее важно, что слухи влияли на формирование массового сознания, способствовали созданию образа врага – вездесущих “тёмных сил”». Это была характерная черта времени, когда «персонажи слухов стали героями бульварных книг, пьес и кинематографических лент. Подпольная культура стала элементом культуры массовой»⁵.

Так, журнал «Пугач» в многочисленных фельетонах и карикатурах отразил распространённые в обществе представления о личной ответственности императрицы за гибель монархии⁶. Супруге Николая II отводилось «почётное» место в процессе «демократизации» государства: «Алиса Гессенская, домогаясь любви всего народа, понимала, что самой любить всех разом невозможно, и воплотила эту любовь на одном представителе народа, звавшемся Григорий Распутин-Новых... Демократизация бывшего двора подвигалась с головокружительной быстротой, и устанавливалась свобода совести, собраний, слова и союзов. Титулованные дамы обнимались с выходцем из народа Распутиным, титулованные и звездоносные кавалеры обнимали дворцовых пейзанок... Так делалась история революции... И так, самой гордой Алисе принадлежит большая заслуга в освободительном движении»⁷.

Журнал «Стрекоза» в свойственном ему фривольном тоне поместил рекламное «объявление», в котором бывшая императрица выступала в роли белошвейки (профессия, занятие которой традиционно подразумевало услуги иного рода). Сатирики откровенно намекали на её «особые» отношения с одиозным «старцем» Григорием Распутиным: «Опытная немка (долгое время исполнявшая обязанности русской царицы) на днях открывает белошвейную мастерскую. Рубашки готовые и на заказ. “Старцам” и прочим жуликам солидная ступка»⁸.

² Новый Сатирикон. 1917. № 23. С. 16.

³ См.: *Каррик В.* Война и революция: Записки 1914–1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 11.

⁴ *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии. Таллин, 1991. С. 93.

⁵ *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Фёдоровне... С. 372, 374.

⁶ См.: Пугач. 1917. № 1, 3, 7, 13, 14.

⁷ Там же. № 1. С. 11–12.

⁸ Стрекоза. 1917. № 15. С. 6.

Апофеоз глумления – карикатура в апрельском номере, изображавшая, как пьяный Распутин нагло демонстрирует компании подгулявших придворных дамское нижнее бельё⁹. Не отставал от «Стрекозы» и «Пугач», поместивший скабрёзный рисунок, на котором полуобнажённая (но в короне!) императрица целует Распутину ноги. Вместо подписи к рисунку – «стихи» о горе «Саны», потерявшей своего «друга»: «Ах, кому-то Сана ноги // Нынче будет целовать?»¹⁰. Приписываемая «фрау Алисе» супружеская измена порождала подозрения в предательстве ею и России. Более того, в воспалённом революционной обстановкой воображении сатириков бывшая императрица начинает восприниматься как засланный Германией «агент». В своих стихах-частушках Н.Я. Агнивцев напоминал читателям: «Как вначале, так и дале, // Между всяческих вещиц, // Всё нам немцы поставляли: // От подтяжек – до цариц! // Коль взглядеться в дело близко, // Этот экспорт – что бельмо! // На царице всероссийской // “Made in Germany” клеймо!!!»¹¹.

Разумеется, мишенью для нападок являлся и Николай II. Однако при всей враждебности в отношении к нему чувствовалась не столько ненависть, сколько издёвка. Так, А.Т. Аверченко в рассказе-монологе «Мой разговор с Николаем Романовым» поучал бывшего самодержца: «Ах, Ваше величество! Если бы Вы знали, как легко государю сделаться популярным!... Народ добр, кроток и незлопамятен. Дайте ответственное министерство, исполните свой же манифест от 17 октября (ведь обещали же) – да Вас на руках носить будут»¹². Впрочем, для Аверченко и прочих новосатириконовских авторов тема «Николай и Александра» быстро утратила актуальность¹³. Другие же издания ещё долго изображали крошечную, убогую фигурку последнего императора в горностаевой мантии или в офицерской форме: он то убежал от восставших масс¹⁴, то глушил вином страх потерять трон¹⁵, то униженно предлагал свою супругу самодовольному Распутину¹⁷. А на рисунке Д. Моора революционные матросы небрежно бросают вслед бывшему самодержцу, на цыпочках покидающему дворец: «Гражданин, возьмите корону: она не нужна больше России»¹⁸.

Тем не менее, по мнению журналистов, свергнутый царь нёс ответственность и за положение дел в стране, и за то, что внешний враг – немец – приближался к Петрограду. «Пугач», к примеру, разразился поэмой, в которой Николай II бессонной ночью, довольно своеобразно каясь в грехах, обращался не к Богу, а... к балерине М.Ф. Кшесинской: «О, Матильда, мой дух оживи! // Уведи меня в стан погибающих // За великое дело любви!.. // Перестрою я жизнь свою заново // И навстречу пойду гольтыбе! // Ах! Голштинское сердце Романова // В том порукою будет тебе»¹⁹. «Стрекоза», охотно острившая на тему «рух-

⁹ Там же. С. 2.

¹⁰ Пугач. 1917. № 3. С. 11.

¹¹ Стрекоза. 1917. № 18. С. 6.

¹² Новый Сатирикон. 1917. № 11. С. 7.

¹³ Там же. № 14. С. 4.

¹⁴ Пугач. 1917. № 1. С. 8.

¹⁵ Стрекоза. 1917. № 14 (обложка).

¹⁶ Там же. № 15. С. 2.

¹⁷ Пугач. 1917. № 3. С. 15.

¹⁸ Будильник. 1917. № 11–12. С. 4.

¹⁹ Пугач. 1917. № 1. С. 7.

нувшего немецкого дома Лже-Романовых», в стихах «О Николае Последнем» обыгрывала забавлявший журналистов парадокс – введение императором «сухого закона» на фоне приписывавшегося ему алкоголизма: «Вниманье! К слову “государь” // Эпитет – вовсе не безделица: // Был царь “Тишайший”, “Грозный” царь... // А Ника – “винная сиделица”!»²⁰

Ненависть к Романовым перекидывалась и на их окружение. «Пугач» печатал «Новые поговорки и пословицы» о прогерманских настроениях при Дворе: «Развёл Романов во дворце тараканов, да и крысе хорошо было при Алисе»; «Попал шпион в министерский павильон»; «Фредериксу сам Вилли платил по прифису»²¹. Министра Императорского двора графа В.Б. Фредерикса, пользовавшегося особым доверием монарха, журналисты особенно часто уличали в «германофильстве»²². В «Стрекозе» его помещали в список обитателей «зоологического сада» рухнувшей власти: «Фредерикс – допотопный мамонт германского происхождения. Питается манной кашкой и птичьим молоком»²³. Весной 1917 г. в свои 79 лет он воспринимался как гротескный символ одряхлевшей империи и сил, подозреваемых в национальной измене.

Однако во «внутреннем предательстве» в сатирической печати рассматриваемого времени обвиняли не только тех, кто был близок к Дому Романовых. Мартовские надежды на справедливость, свободу, закон и способность Временного правительства эффективно бороться с революционным радикализмом вскоре сменились тревожным упованием на твёрдую руку, способную навести порядок и на фронтах, и в тылу. Летом всё сильнее ощущалось разочарование в А.Ф. Керенском, которому не удалось стать «русским Бонапартом»²⁴. Журналисты, как и большинство либералов, снова почувствовали себя заложниками в противоборстве внутренних и внешних врагов. Характерно, что сатирики изображали их действующими рука об руку. Причём образ «внутреннего врага», ранее монолитный, распался теперь на «старую власть», устраивающую провокации против «новой», и «власть анархии» – революционных радикалов, которые намеренно сеют беспорядки, устраивают грабежи и разбои. Так, на одной из карикатур Вильгельм II строго науськивал двух бойцовых собак с надписями «провокация» и «анархия». Подпись поясняла: «Псы, выдрессированные кайзером и выпущенные в Россию. (Успели натворить уже не мало пакостей)»²⁵.

Участившиеся летом–осенью 1917 г. случаи братания на фронте воспринимались русскими сатириками как признак эрозии боевого духа армии. «Пугач», цитируя приказ главнокомандующего А.А. Брусилова, сообщавший о том, что «братающиеся с нашими солдатами на позициях немцы были пойманы с фотографическими аппаратами и планами», опубликовал сатирический рисунок: хитрый немец лезет обниматься с русским, пряча за спиной снимающую русские позиции фотокамеру²⁶. Вместе с тем в либеральных сатирических изданиях исключалась огульная критика русской армии, а факты братаний рассматривались как вражеские происки, а не как измена солдат. Здесь оценки журналистов,

²⁰ Стрекоза. 1917. № 14. С. 6.

²¹ Пугач. 1917. № 1. С. 3.

²² Там же. С. 18.

²³ Стрекоза. 1917. № 24. С. 12.

²⁴ О настроениях «бонапартистских ожиданий» в период между мартом и октябрём 1917 г. см.: Секиринский С.С. Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6.

²⁵ Стрекоза. 1917. № 24. С. 11.

²⁶ Пугач. 1917. № 3. С. 8.

по сути, сходились с мнением наиболее осведомлённых военачальников²⁷. Практически во всех сатирических журналах братания освещались как двойная провокация – подрывная акция революционеров и немецкая диверсия. Образы внутренней и внешней угрозы сливались тут воедино как нельзя нагляднее. Однако именно «внутренний враг» казался наиболее опасным. Так, в «Будильнике» то и дело изображали «провокатора» – мелкого, зловредного очкарика, «внутреннего врага», работающего на «врага внешнего»²⁸.

По мере приближения осени революционная сумятица всё больше влияла на работу редакций: журналы начали выходить нерегулярно, всё более резкими становились их публикации. С грустью констатировалась слабость пришедших к власти политиков, а раскол в обществе представлялся извечной проблемой отечественной государственности, вынуждающей к поиску внешних сил, способных вывести страну из хаоса. Пришествие «новых варягов» (как возможное следствие подрывной деятельности большевиков) считалось теперь закономерной расплатой за неспособность проявить себя в ситуации, открывавшей самые заманчивые перспективы. Ведь ещё в июле «Пугач» поместил рисунок, на котором Брусилов и Керенский толкают тяжёлый «шар», символизирующий

²⁷ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 30.

²⁸ Будильник. 1917. № 18. С. 4.

Брусиловъ и Керенскій

— Ну, товарищъ, еще маленькое усилие и мы раздавимъ нѣмца, анархію и провокацію!..

наступление русских войск. «Ну, товарищ, — обращался журнал к читателю, — ещё маленькое усилие, и мы раздавим немца, анархию и провокацию!»²⁹.

Ленин и «ленинцы» появились на страницах сатирических изданий с самого начала революции. Поначалу они выглядели довольно жалко и не слишком угрожающе. К примеру, на рисунке в «Новом Сатириконе» человек ярко выраженного семитского типа (обобщённый образ еврея-большевика, германского «агента») пытался за полу шинели удержать русского солдата, рвущегося из окопа в атаку³⁰. Примечательно, что в следующем номере на фоне трупов, сваленных в братскую могилу, был изображён аккуратный, благообразный германский социал-демократ, призывавший: «Пролетарии всех стран! Соединяйтесь! Места хватит!»³¹. На карикатуре А. Радакова русский социал-демократ с пафосом изрекал: «Товарищ немецкий рабочий! Протянем друг другу руки!» «Не могу свою протянуть, — отвечал тот, — шрапнель для войны делаю!»³².

Агитация большевиков и многочисленные выступления Ленина явно раздражали сатириков. В «Пугаче» незатейливо шутили над его привычкой произносить речи с балконов зданий. Осматривая дом, покупатель сетует на то, что «балкон-то очень ветхий, того и гляди обвалится», а продавец парирует: «А Вы Ленина на этот балкон пригласите, пора ему провалиться!»³³. В том же номере можно прочесть целую поэму, отразившую страхи и слухи весны-лета 1917 г.

²⁹ Пугач. 1917. № 13. С. 11.

³⁰ Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 5.

³¹ Там же. № 15. С. 3.

³² Там же. № 23. С. 16.

³³ Пугач. 1917. № 3. С. 12.

Используя былинно-песенный размер, её автор с горечью описывал, как гордо ходит по городу большевик, как пресмыкаются перед ним другие политики, как умело он отваживает рабочих от труда, а солдат – от выполнения воинского долга, как радуется этой неразберихе «германец». Далее говорилось уже о «немецком золоте», которое «лавой льётся» в руки провокаторов-большевиков, подбивающих рабочих на забастовки и раскалывающих единство «великой Руси»³⁴.

Большинство сатириков считало Ленина и его ближайших соратников «агентами кайзера», постоянно изображая их злодеями, созданными кайзеровским режимом из российского «материала». «Пугач» в апреле 1917 г. напечатал миниатюру «В Берлине», на которой Вильгельм II, прочитав в газете очередную речь Ленина, заключал: «После Гинденбурга это – самый полезный человек, а может быть, он даже полезнее Гинденбурга»³⁵. Едкую сатиру на большевистское германофильство опубликовал журнал «Бич». На карикатуре «Гром победы, раздавайся! Веселися, славный тевт!» изображался Ленин, под звуки военного оркестра бодро возвращавшийся с победой в «свою столицу» – Берлин – во главе «тевтонского воинства»³⁶. Вслед за маленькой фигуркой будущего вождя пролетарской революции гордо печатали шаг победители – германские офицеры, генералы и политики (до Брестского мира оставалось восемь месяцев!).

Журнал «Стрекоза» обстоятельно обличал большевистскую пропаганду в фельетоне «Сказка про большевика». В нём большевик наставлял своего брата, отправлявшегося на фронт: «Будешь выбирать офицеров – голосуй за большевиков. Так и товарищам-немцам передай: Гинденбург до тех пор фельдмаршал, пока большевик»³⁷. Жутковатое повествование придавало «семейный» характер партийной агитации среди солдат. Создавалось впечатление, что враг не просто близко – он уже проник во внутреннюю жизнь России, сроднился с ней, стал её частью. Эта метафора врага-перевёртыша, легко меняющего обличье (внешний? внутренний? враг? брат?) в революционные месяцы только усиливалась новыми риторическими приёмами.

Авторы сатирических публикаций неизменно видели в Ленине симбиоз «внешнего» и «внутреннего» врага России³⁸. Он и его единомышленники уподоблялись в фельетонах того времени «взрывающимся карандашам» (по сообщениям печати, их находили на российской территории), применяемым германскими спецслужбами против мирного населения³⁹. Уже после октябрьского переворота Реми поместил в «Новом Сатириконе» рисунок, способный ужаснуть русских демократов прежней эпохи. «Дед и бабка русской революции» – П.А. Кропоткин и Е.К. Брешко-Брешковская – удивленно смотрят на младенца Ленина: «А внучек-то оказался германской марки»⁴⁰. Горечь интеллигента, прозревающего в условиях хаоса и дезертирства, обманутые надежды на революцию как освобождение от «романовского предательства» в полной мере отразились в декабрьском «Траурном номере» «Нового Сатирикона».

³⁴ Там же. С. 7.

³⁵ Там же. № 1. С. 3.

³⁶ Бич. 1917. № 28. С. 12.

³⁷ Стрекоза. 1917. № 18. С. 10.

³⁸ Новый Сатирикон. 1917. № 25. С. 3.

³⁹ Там же. № 20–29.

⁴⁰ Там же. № 24. С. 5.

В нём русские журналисты советовали кайзеру крепче держать своих «либкнехтов» в тюрьме и предрекали, что опасные игры немецких властей с чужой революцией вызовут подобные же события в самой Германии⁴¹.

В последних публикациях 1918 г. журналисты «Нового Сатирикона» гневно обличали большевиков как партию «национальной измены», приведшую страну к полукOLONИАЛЬНОМУ статусу, тогда как Германии, несмотря на все трудности, удалось воспользоваться плодами своей «антироссийской акции». Специальный мартовский номер под девизом «Мэдь инь Жермани» («Сделано в Германии») изображал ужасы грядущего порабощения России после «брест-литовского предательства». В серии карикатур немецкий чиновник ставит тавро на теле русского крестьянина («годен в пищу»), германский офицер с кнутом в руках пашет землю на пленном русском солдате, два немца-колонизатора после окончательного отстрела негров в Африке успокаивают друг друга: «Пустяки. Перейдём на белое мясо. Ещё русские остались»⁴².

«Просвещённое общество», «люди с либеральными убеждениями», «передовая интеллигенция» убийственно разоблачались в фельетоне А.Т. Аверченко как проспавшие, проглядевшие, заболтавшие, пропившие Россию: «Вы, пьяницы, гуляки, алкоголики... Вы, русские забубенные головушки... Что? – Одна нога в ботинке, другая босая, волосы в пуху, голова разваливается от боли, а кривое зеркало над кроватью кажет огромнейший кровоподтёк между ухом и глазом... Ф-фу!»⁴³. А тем временем бережливый немец с удовлетворением поглядывал на Россию, распятую на кресте: «Как славно! Для “Великой России” всего-то понадобилось четыре гвоздя»⁴⁴. Этот рисунок выражал возмущение журналистов по поводу «позорного мира».

Один из последних тематических номеров «Нового Сатирикона» носил символический подзаголовок: «О прекрасной Франции». Соппротивление французов последнему крупному германскому наступлению на Западном фронте изображалось как «рука помощи», благородно протянутая гибнущему на востоке бывшему союзнику по оружию. Борющаяся Франция, преданная большевиками, превращалась в символ нереализованной в России либеральной мечты – о свободе, демократии, патриотизме, гражданском достоинстве. И уже не столь важным казалось, ленинцы использовали германскую помощь для захвата власти или Германия с их помощью вывела Россию из войны. Интрига, измена, предательство оказались лишь надводной частью айсберга глубочайшего внутреннего кризиса, потопившего корабль прежней России⁴⁵.

⁴¹ Там же. № 45. С. 6.

⁴² Там же. № 5. С. 3–5.

⁴³ Там же. 1918. № 5. С. 16.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Там же. № 15. С. 6.